

ИСТОРИКО-ДУХОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ МОТИВА КОНЯ В ФОЛЬКЛОРЕ УРАЛО-АЛТАЙСКИХ НАРОДОВ, ЕГО ОТРАЖЕНИЕ И ЕДИНСТВО В ЭПОСАХ «ГЕСЕР» И «КОРОГЛУ»

Тагир Насибли

УДК 398(=512)

В статье исследуется происхождение мотива коня в устном народном творчестве урало-алтайских народов, а также его сходство и даже тождество в темах, сюжетах эпосов «Гесер» и «Короглу».

Ключевые слова: Урал, Алтай, монголы, турки, конь, эпос «Гесер», эпос «Короглу», Гырат, Дурат, *гурай*, *дурай*.

The article investigates the origins of horse motif in oral folklore of the Ural-Altaic peoples, as well as its similarity and even identity in themes and subjects of *Gesar* and *Körogly* epics.

Keywords: Ural, Altai, Mongol, Turk, horse, epos *Gesar*, epos *Körogly*, Girat, Durat, *guray*, *duray*.

Известно, что особенности исторического, материально-духовного развития какой-либо этнической системы или народа отражаются и сохраняются в их устном народном творчестве. В процессе сопоставления отдельных образцов фольклора различных народов можно выявить, в какой исторический промежуток времени после древне-первобытного периода, с его универсальным общим развитием духовного мышления и восприятия окружающего мира, отдельные этногенетические общности приобрели независимые материально-духовные ареалы, с присущими им локально-местными особенностями и качествами. Чтобы масштабно и со всеми тонкостями оценить этногенетические ценности и этнокультурные особенности каждого народа, требуется одновременное параллельное и детальное изучение их действительной материальной и духовной истории. При этом надо помнить, что материальные и духовные истории народов взаимно дополняют и раскрывают характерные особенности друг друга.

Анализ исторических событий и имеющих реальную основу преданий позволяет заключить, что в фольклоре, отражающем исторический путь народа, не происходит расслоение этногенетической памяти по пустякам. Каждое явление имеет свои причины. В то же

время приобретенные в процессе историко-духовной эволюции ценные и положительные навыки каждой этногенетической группы или народа с течением времени воспринимаются на локальном или всемирном уровне другими общностями. Путем тщательного анализа и синтеза даже в относительном содержании можно установить, в каком месте и в какой обстановке возникло данное явление, а также выявить его влияние на культуру народов.

В далеком прошлом одомашнивание коня произвели народы, которые населяли Евразийскую степь, раскинувшуюся на тысячи километров от Тихого океана до Восточной Европы. С тех пор их быт, хозяйство и занятия подверглись коренным изменениям. Культурные приобретения, обусловленные развитием коневодства, с последующим распространением номадизма у степных общностей, накапливались в течение веков и тысячелетий, обогащая их культуру в целом. Эти трансформации также стали причиной коренных изменений духовной культуры этих народов, в том числе верований и устного творчества, в которых конь по праву занял одно из центральных мест.

В легендах, мифах и эпических произведениях урало-алтайских народов, наряду с мотивом происхождения от волчицы или волка, имеются также эпизоды, в которых

речь идет о происхождении и от водяного жеребца. В азербайджанской сказке «*Reyhani nağıli*» / «*Рейханын нагылы*» («Сказка о Рейхане») Гюльджахан в поиске своей дочери, чтобы утолить жажду, заходит в лужу и беременеет. Таким образом, отцом рожденного сына Айгыра Гасана (Жеребец Гасан) становится водяной жеребец [4, s. 22]. Происхождение этого сюжета, с одной стороны, генетически связано с древнеалтайским мифом «*Yaradılış*» / «*Ярадылыш*» («Происхождение»), с образом Ак Ана (Белая Мать) [9, s. 12], с другой, — с присутствием коней в многочисленных вариантах эпоса «*Koroğlu*» / «*Короглу*» [5, s. 5].

В урало-алтайских народов — в монголов и тюрков, которые имеют общее происхождение, — существовал культ коня, воспеваемый в устном творчестве. В связи с этим — в тождестве и общности культа коня — эпосы «*Qasär*» / «*Гесер*» (у монгольских, ряда тюркских и тибетских народностей) и «*Короглу*» (у многих тюркских народов) очень близки. Несмотря на то, что в обоих эпосах компоненты мировоззрения (отношение к природным явлениям, небесным светилам, верования и пр.), присутствующие урало-алтайцам, обнаруживают сходство и даже идентичность, превосходство сюжетов тем сказаний (в особенности волшебных) «*Гесера*» демонстрирует его большую древность, по сравнению с «*Короглу*». В «*Короглу*» сказочные особенности развиты очень слабо. Большая древность «*Гесера*» подтверждается и другими особенностями его содержания и формы. Сегодня среди ученых распространено мнение, что герои обоих эпосов являются историческими личностями. Гесер жил в IV–V вв. Согласно исследованиям эпосоведа И. Садыга, Короглу жил в XIV–XV вв. [7, s. 38]. Исходя из большей древности «*Гесера*», логично предположить, что он является одним из первых эпических произведений, в которых появляется мотив коня.

В эпосе конь Гесера Вещий-гнедой скакун имеет человеческие качества. Он заранее предчувствует и предвидит любые события,

трудности, появление врагов, опасности. Знает, что хочет и что требует от него хозяин Гесер. С ним общается человеческим языком. Конь имеет необыкновенный вид, а также особенности и высокие качества:

*Драгоценный скакун
Вещий-гнедой (вот каков):
С телом, подобным горе,
С длинным огромным хвостом,
280. С шестидесятисаженым
хвостом,
С шестисаженой гривой.
.....
Тяжелое седло положил,
В три локтя толщиной.
Сандаловое седло надел [3, с. 136].
.....*

Когда Гесер прискакал на своем коне к непроходимым ужасным перевалам, где горы-копья сцепились, подобно иглам ежа, он просит помощи у своих трех благодетельных сестриц. Они посоветовали ему обратиться к своему коню, потому что только он может преодолеть эти перевалы. На просьбу Гесера конь отвечает:

*Владыка Гесер-мерген,
Мысли свои успокой!
430. Если эти горы преодолеть
Не сумею,
(Значит) неспособный Вещий-
гнедой твой я,
И пусть (мои) четыре копыта
(тогда) отвалятся [3, с. 136].*

Указанный диалог между героем и его любимым верным конем в тексте эпоса проясняет, что здесь использованы все особенности жанра сказок (всех трех видов), их идейно-художественные, сюжетные, текстологические формы, отдельные тонкости. Однако все эти нюансы не уменьшают эпических качеств «*Гесера*», а наоборот, обогащают и подтверждают его древность и неповторимость.

В «*Короглу*» описания и олицетворения коней Гырата и Дурата каких-либо исключительных особенностей не имеют. Кроме появления и

исчезновения крыльев Гырата в темной конюшне после сорока дней, никакие необыкновенные качества коня больше не указаны.

Гырат и Дурат только умели предчувствовать желания и действия Короглу. Когда Лысый Гемзе похитил и перегонял Гырата к правителю Гасан-паше, конь днями не ел корма, а когда услышал во дворе конюшни голос Короглу, сразу же поднял суматоху [5, s. 151]. Когда он видел, что его хозяин в опасности, то приходил ему на помощь — топтал врагов ногами. Наконец, они вдвоем разрушают вражеский фронт [5, s. 157] и бросаются в воду. Увидев, что Гырат затрудняется при переправе, Короглу начал его хвалить:

*Скачешь, подобно джейрану,
Шагни, любимый мой!
Летишь, подобно беркуту,
Шелкогривый мой!*

.....
*Меня зовут Короглу,
Пустые слова не вымолвлю,
Неси меня в Ченлибел,
Бахромой покрою седло твое!*
[5, s. 158].

Услышав это, Гырат и себя, и Короглу спасает от врагов.

Можно привести множество примеров взаимоотношений героев и их коней в обоих эпических произведениях. Благодаря этим примерам мы убеждаемся, что «Короглу» по своим идейно-художественным особенностям, сюжетным композициям, способам воспевания очень близок к жизненной действительности. Эта тенденция также сохраняется при описании и олицетворении коней. Присутствует она и в «Гесере», но с одним оттенком: описания поданы на сказочном уровне.

Вчитываясь в описание и воспевание коней в обоих эпосах, приходим к выводу, что благожелательные и живые отношения героев к ним по существу и по духу одинаковы и едины. Единственное отличие заключается в том, что, в зависимости от древности эпического сказания и его историчности, используются различные по-

этические фигуры, а в содержании присутствуют жизненно-реальные или же метафорически-образные, вымышленные события.

Другим очень важным показателем происхождения культа коня из единого духовного мира в обоих эпосах является сходство названий коней и слов, обращенных к ним. Из сказаний, включенных в «Гесер», в «Золотой горе Сумеру» обращение героя к коню имеет большее сходство с «Короглу», чем с другими частями «Гесера». Но, независимо от того, включена ли «Золотая гора Сумеру» в состав «Гесера» или нет, описание и название коней, например, в монголо-бурятском устном народном творчестве, имеет общее происхождение. С точки зрения урало-алтаистики, сходство и тождество культа коня вообще у тюрко-монгольских народов, с его проявлениями в «Короглу», имеет общее происхождение. И это не случайно. Поскольку связано, прежде всего, с фактором создания эпоса «Гесер» именно в тюркской среде. Изучая «Гесер» в сравнении с тюркскими и шумерскими героическими эпосами, И. Садыг пришел к выводу, что монголы его позаимствовали от тибетцев, а тибетцы — от уйгуров [8, s. 47]. И этот подход никоим образом не препятствует решению поставленного вопроса, а наоборот, содействует его разрешению.

В «Золотой горе Сумеру» Аджиг-Тенег-батор по вопросу женитьбы на дочери правителя юго-западного материка (у древних тюрков, монголов, тибетцев и др. были доброжелательные или отрицательные отношения к разным духам четырех сторон света) принцессе Бурме Янгсан сначала обращается к ламе [3, с. 272]. После первого гадания лама своим отрицательным ответом рассердил его. Но во второй раз лама радуется героя хорошей новостью. Правитель, не теряя времени, тут же вызывает своего дорогого и любимого коня:

*«Гурай, гурай!» — звал, говорят,
Три часа звал, говорят.
«Дурай, дурай!» — звал, говорят,
Четыре часа звал [3, с. 273].*

Услышав этот зов, конь своим внутренним голосом размышляет, не причинил ли он какой-нибудь грех хозяину. Хозяин привязывает его к северному ветвистому дереву и держит под надзором, осматривая каждый день. С каждым днем развивается и укрепляется какая-либо часть тела коня. В «*Короглу*» коней держали под надзором сорок дней. Для нас особый интерес представляют похожие названия коней в обоих эпосах. Так, в «*Короглу*» коней называют Гырат и Дурат, а в «*Гесере*» их зовут словами «гурай, гурай» и «дурай, дурай». Сходство названия коней состоит в сходстве и даже тождестве корней соответствующих слов: «Гыр-», «Дур-» и «гур-», «дур-». Причем это не случайные совпадения, а закономерный результат генетического родства урало-алтайских народов, начало которого приходится на эпоху, когда они еще не разделились и составляли единую этноязыковую общность. При этом надо иметь в виду, что указанные корни у древних урало-алтайцев несли положительную смысловую нагрузку, а также имели магические высокодуховные особенности и качества.

В «*Короглу*», после содержания коней сорок дней в темной конюшне, во время осмотра

старик Алы первым делом стал проверять у них спину, чтобы узнать, появились ли крылья. Ведь, согласно мифологическим представлениям, конь, имеющий крылья, может летать, как птица. Вещий-гнедой Гесера, чтобы сдержать данное своему хозяину слово и преодолеть опасные препятствия, «по небесному воздуху ступал, по воздуху-ветру золотой вселенной шагал» [3, с. 141]. Как описано в эпосе, конь начинает летать по небу. Аджиг-Тенег-батор после первого дня содержания также проверяет спину коня, как и старик Алы [3, с. 274].

Таким образом, сходство и даже тождество мотива коня в эпосах «*Гесер*» и «*Короглу*» — не случайное явление, а закономерный результат общего происхождения и развития урало-алтайских народов в условиях постоянного политического и духовного взаимодействия (гунны (желтые и белые), создатели I и II Тюркских Каганатов и пр.). Приручение и использование урало-алтайскими народами коня в хозяйстве и военном деле с древних времен обусловило отражение этого явления в устном народном творчестве, а также распространение в духовной культуре различных общностей.

1. Авдиев Н. История древнего Востока. — Ленинград : Госполитиздат, 1953.

2. Кондрашов А. Справочник необходимых знаний. — М. : РИПОЛ КЛАССИК, 2002.

3. Неклюдов А., Гумурцеген Ж. Монгольские сказания о Гесере. Новые записи. — М. : Наука, 1982.

4. Azərbaycan ədəbiyyatı tarixi : VI c. — Bakı : Elm, 2004. — I c.

5. Koroğlu. — Bakı : Gənclik, 1975.

6. Nəsibli T. Tarixin ən qədim adlarından — Türk // Elmi Axtarışlar. — Bakı : Nurlan, 2009. — N I.

7. Sadiq İ. Koroğlu kim olub. — Bakı : Azərbaycan Dövlət Nəşriyyatı, 1998.

8. Sadiq İ. Şumer və türk dastanları. — Bakı : Azərbaycan Dövlət Nəşriyyatı, 2012.

9. Qumilyov L. Qədim türklər. — Bakı : Gənclik, 1993.